

W 1400970

54

Автоморф

54

РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

54

**Вологда
2009**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	4
ИЗБРАННОЕ	
Ольга Горохова.....	9
Анна Смирнова	11
Т.З. Корзина. Сказка про принцессу-чайку.....	14
В МИРЕ РУБЦОВА	
Воспоминания Тужилковой (быв.Захаровой) Светланы Сергеевны, сестры Захарова Клавдия Сергеевича.....	15
Воспоминания Нехаевой Риммы Сергеевны (Смирновой) Что сохранила память.....	15
Воспоминания Надежды Михайловны Шербининой, двоюродной сестры Николая Михайловича Рубцова, дочери Софьи Андрияновны Рубцовой и Михаила Николаевича Федотова.....	17
ПАМЯТЬ	
Валентина Игошева. Памяти В.С. Белкова	18
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
Юрий Максимов. Диверсия.....	19
Александр Дубинин.Звездные мысли	24
КРИТИКА	
Графоманка и другие	27
«Мы в восхищении!» (о молодых авторах)	30
Наталья Усанова	
Хаос начала	31
Два Сергея	32
ГРАФИКА	
«Эскизы на коллег» Юрия Леднева с рисунками Михаила Копьева.....	33
Бригиневич Е. Духовность в поэзии.....	36

На 1-й странице обложки экслибрис художника Б. Ф. Французова

«Мировой кризис нас почти не коснется», — заверил премьер, он же — бывший президент. «Все силы будут приложены». (Вот к чему только?) Это там, в штатах все бегают кругами, держась за голову: «Что-то будет?» А у нас ничего серьезного не случится. С нашими-то богатырями. Один (Царство ему Небесное), помнится, на рельсы лег. Сколько составов по нему прошло и ничего. Встанет, опохмелится и опять на рельсы. Другой восемь лет рабом был на галере. На такой работе, как известно, самый сильный раб больше года не вытягивал. А что наш? Такой же прыткий и розовощекий.

Так чего нам бояться, господа?

Редактор

Стихи последних лет

Эрнест ЛЮБЕНКО

БАВИЛОН

Я ненавижу Вавилон,
Москвою называемый,
Пришельцами чужих племен
Сегодня заселяемый.

Здесь всюду блеск чужих реклам.
Здесь речь чужая слышится,
И до чего же тяжело нам
Под этим гнетом дышится!..

С экранов льет разврата вал,
В порок ввергая, в распри ли.
На наших рынках правят бал
Кавказские диаспоры.

В своем доме, как будто гость
Ты на чужом пиру.
Им Православие, что кость,
Совсем не по нутру.

А власть держащим господам
Вечерня или намаз.
Им, что мечеть, что Божий храм
Ласкают равно глаз.

Тебя ж сподобят в бросово,
Коль рабски промолчишь,
Русь станет — «Новокосово»,
Москва — второй Париж...

* * *

У нас все шлюхи — «девушки»,
А воры — «господа».
Страной победно шествует
Разбойная страда.

Народ отравой косится,
Ложась за рядом ряд.
Пахан в Европу просится:
— «Примите. Буду рад!».

И, как солодкой стелится
В швейцарском банке счет
На случай, коль рассердится
Еще живой народ.

А урки величавые
Жируют на костях.
Всегда в законе правые
Россию топчут в прах.

Что им Россия-матушка?
Они везде — князья.
Им лишь бы били в ладушки
Заморские друзья.

Но подождите склабиться.
Придет, надеюсь час:
Народ от сна оправится
И примется за вас...

БЕЛЫЙ МАРШ

Под белое знамя Российской Короны,
Под сень величавых двуглавых орлов
В защиту Отчизны и царского трона
Смыкайте ряды православных бойцов.

Нельзя нас купить ни деньгами,
ни славой:
Нам славна одна только Слава
Христа.
Златого Тельца черносотенной лавой
Сметем и положим к подножью
Креста.

Трубите Архангелы в медные трубы,
Сзывайте на бой православный народ.

Клинки обнаживши и стиснувши
зубы,
Сквозь огни и воды, и — «с Богом,
вперед!»

Пусть небо струится кровавым
закатом
Растленного мира владык и господ.
Родная Россия еще не распята,
Хоть нагло глумится над ней
Антипод.

России дана от Всевышнего фора:
Над нею Царицы Небесной покров.
Под сенью Креста и Ее омофора
Грядет легион ее верных сынов.

Довольно шагать под Масонской
Звездой,
Очистим от скверны святыни Кремля
И в путь, предначертанный Божьей
рукою.

Под Белое Знамя,
Родная земля!..

Юрий МАКСИМОВ

* * *

Похоронив отца и деда,
Давно годами старив их,
Венцом тех лет была Победа,
А я от новой жизни — псих.

Но за Победу выпиваю,
И если надо повторю,
Их фото часто вынимаю
И как с живыми говорю.

Простите дед, прости папаша,
Россиюшка теперь больна,
Хоть велика Победа ваша,
А все ж порушена страна.

Свои враги ее сгубили,
Кровь льется на родной земле,
Пока мы по привычке пили,
Толпой на митинги ходили,
Глядь, а изменники в Кремле...

СПб.

Анна ГРОБОВА

* * *

На Руси крепостное право
Отменили век с лишним назад.
Отчего ж тогда рабские нравы
До сих пор о себе говорят?

Кто лопатит? — голодные дети! —
А за труд получают гроши.
Кто-то в теплом сидит кабинете
И лопатой гребет барыши.

Оба встали с рассветом, — чего там! —
А с закатом вернулись домой.
Только грыжу один заработал,
А другой «насел» геморрой.

Кто-то правит вчерашним колхозом
И, продав все, что можно продать
(Не гнушаясь коровьим навозом),
Уезжает на юг отдыхать.

И молчит бессловесное стадо!
Не звучит негодующий клич!
Знать, законной зарплаты не надо,
Знать, бараны нужны, чтоб их
стричь.

«Где ж вы, люди?» Не слышно, не
видно...

«Сколько можно терпеть, вашу
мать?»

За людей мне до боли обидно,
Только им на себя — наплевать.

Александр ПОШЕХОНОВ

ВЕТРА

А ветра все те же —
Молоды и свежи,
Только в русском поле
Нет крестьянской доли.

Скупкою-обманом
Да посулом пьяным
Неизвестным лицам
Продана земляца.

Не для вспашки спорой,
На потеху вору
Без ножа, без пули
Землю умыкнули.

Без земли, без Бога
Бродит по дорогам
Нищий, но свободный
Мужичок безродный.

Водочки напьется,
Плачет и смеется:
Где ты, доля, где же?..
А ветра все те же.

ВОПРОСЫ

Стопари не поднимаю
За народ и за страну,
Так и эдак, понимаю,
Риск велик пойти ко дну.

Злой туман волна рассеет,
Может быть, а может — нет.
Что ж ты, матушка Расея,
Все хвораеть столько лет?

Где твои «антилигенты» —
Записные «дохтура»?
Лишь «партнеры» да «клиенты»
Выются, словно мошкара.

Из словесной паутины
Сети мягкие плетут,
А на деле — как скотину,
Как скотину... там и тут...

Константин ПАВЛОВ

* * *

Люблю дорожный разговор,
Когда с двадцатой чашкой чая
Зарю с попутчиком встречаю, —
И в прошлом наш никчемный спор.

Когда нет места анекдоту,
И маски скинуты давно,
И разговоры про работу
Иссякли с выпитым вином;

Друг друга в мысли посвящая,
Что не расскажешь и друзьям,
Мы не солжем за этим «чаем»:
Не пересечься больше нам.

И потому прямой, открытый,
Простой дорожный разговор,
Как кладезь жизненных открытий,
А не простой вагонный спор.

Наталья УСАНОВА

СФИНКС

Люди едут к склонам пирамид,
Чтобы перед сфинксом постоять.
Вечный, он степенно возлежит,
Охраняя тайну бытия.

Но, когда расходится народ,
Зверь снимает свой надменный вид.
Между лап он голову кладет
И на звезды дальние глядит.

Яркий шар уходит во-о-он туда.
Здесь — пески. Чуть дальше —
белизна...

...Если бы вы знали, господа!
Впрочем, для чего вам это знать?

Господа, единственный ответ
Сфинкс скрывает в сомкнутых устах:
Тайны-то на самом деле нет.
Жизнь до невозможности проста.

Сергей ОХАПКИН

* * *

Что мне Москва? Что — Петербург?
Россия-матушка — в глубинке!
В полях, где землю режет плуг.
В лесах, где заплетаются тропинки.

В густых лугах, где выпадают росы,
где летним днем уснешь, как
на перине.

В болотечках, где клюквенная
россыпь
на мху, как бриллианты на витрине.

В тех деревнях, где стылою порой
трещат в печурках весело поленья,
где тишина тугая и покой
величественной степени творенья.

В тех маленьких церквушках,
что стоят
веками, призывая к очишенью;
в тех самых, что теплом к себе манят
и таинством святого причащенья.

Невольню сердце вспыхивает вдруг
любовью к каждой дождевой
крупинке...

Что мне Москва, что — Петербург?
Россия-матушка — в глубинке!

Алиса ЯПЛОКОВА

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОД»

* * *

Я живу в карманах прохожих
Среди мелочи и сигарет,

Под горячей асфальтовой кожей,
Между ребер бульварных газет.

Я рисуюсь в квадратах окон,
Проводов одичалый бог.
Через фен — да в упругий локон,
Или в двери — да на замок.

Я гуляю простуженным ветром
Или светом уставших витрин.
Кто придумал, что в городе этом
Я всем виден и я один.

Галина КОНСТАНСКАЯ

* * *

Мир состоит из ощущений.
Запахов, взглядов, прикосновений...
Луч света в непроглядной темени
И ощущение пространства и времени.
Взгляда любви, взгляда презрения...
И ощущение пространства и времени.

Запахи тленья, запах сирени
И ощущение пространства и времени.
Прикосновений легких, трепетных...
И ощущение пространства и времени.

Запах последних цветов увядающих,
Взгляд на косяк журавлей улетающих.
Прикосновений нежных и тающих,
Жизни часов, безвозвратно
растаявших...

Где-то в пространстве исход
поджидающий...

Николай БУШЕНЕВ

ВСТРЕЧА С БЕРЕНДЕЕМ

Если тяжесть сердце чувствует —
Серых будней монолит —
В лес иду я: он врачует,
Просветляет, веселит.

Для меня как утешенье,
Утишение долгих мук
Светлых листьев мельтешенье,
Тайных дятлов перестук.

Я сюда не из-за ягод.
Хоть и это — благодать.
У меня все больше тяга
Берендея повидать.

Там, где ели, там, где сосны,
Где березы старой скрип,
В чаще прячется серьезный,
Неулыбчивый старик.

Взор синее величаво,
Как озерная вода.
Борода его курчава,
Голова его седа.

Застываю, сбитый с толку.
Кто сейчас промолвил «Ох!»?
Только облако над елкой
Да на ветках рыжий мох...

Но, признаюсь, грустно, жалко,
Что в лесу — ни здесь, ни там —
Мне не встретишься русалка,
Сняющаяся по ночам.

* * *

Зима легла на городские улицы,
На серые деревья, на дома.
И перестал унылый город

хмуриться.
И даже симпатичным стал весьма.

Как будто наступило просветление.
Как будто озарение пришло.
Навек как будто прекратилось

тление,
И сгнуло все то, что тяжело.

С небес усталых снег неспешный
сеется.

Кружится он беззвучной мошкаррой.
И хочется на лучшее надеяться.
В несбыточное верится порой.

Галина ОСОКИНА

* * *

Мне вдруг понравился мужчина,
А он чужой, совсем не мой,
И это — главная причина,
Что мне пора уже домой.
Он не со мной сидит за столиком

И что-то нежно говорит,
И называет его Толиком
Та, что давненько с ним сидит...
Смотреть на них ну, это слишком,
И вдруг «та» тихо говорит:
«Ну что, давай, пока, братишка!»
И делает серьезный вид.
А я сию, с собою споря,
Не веря даже, что «Братит»,
Ведь дома — надоевший Боря,
Что «телек» смотрит да храпит.
И вот мужчина здесь, за столиком,
Со мной беседуя, сидит,
И называет себя Толиком,
И говорит, и говорит...
Рассвет встает, а мы за столиком,
И у меня усталый вид.
Не «подфартило», видно с Толиком,
Я лучше с Борей — пусть храпит!

Андрей КЛИМОВ

МУРАВЕЙ

(басня)

Мал Муравей, но он всю жизнь
 трудился:
Пахал и строил, строил и пахал.
И к пенсии удвоил капитал, —
Чему он сам немного удивился.
Об этом услышал Навозный Жук,
Собрал дружков... И Муравья ограбил!
А сам достался очень важной Жабе...
А Жабу Цапля бросила на луг.
Мораль стара: в стране, как и в семье,
Все держится у нас на Муравье.
Жив Муравей, вокруг него все сыты:
И власть сама, и судьи, и бандиты.

* * *

Не любили дерево,
Не любили,
Загубили дерево,
Загубили.

В полдень было солнышко
Ясным — ясно,
Все казалось радостным
И прекрасным.

Ночью были звездочки
В небе синем,
В холод все окутывал
Нежный иней,

Растекалось зарево,
Словно счастье,
Но сгубили дерево
В одночасье.

Корни все у дерева
Подпилили,
Да и землю рядышком
Всю залили,

И зачахло дерево,
Вот несчастье.
Закружило, ожило
Все ненастье.

Стонет ствол у дерева,
Гонит горе,
Плачут ветки тонкие
На просторе.

Подкосились ноженьки,
Как на плахе,
Врассыпную бросились
Дружно птахи.

Долго стон стоял
По округе
Вытирали слезоньки
Две подруги.

Не набрать весной уже
Дружно почки,
Не увидеть зелени
Нам листочки.

Загубили дерево,
Загубили.
Не любили дерево,
Не любили.

* * *

Мне часто снится край родной,
В волненьи степь — байга.
А я живу в краю чужом —
Тайга, тайга, тайга.

Мне снится шепот ковыля,
Березовый колокол,
Чабрец, ирисы, ракета,
Но так мой край далек.

Порывы ветра, шорох лип,
Сирени куст большой,
И запах пашни золотой,
Когда скирда горит.

Огонь по всей степи большой
Горит на двадцать верст.
И мне так хочется домой
К березам возле звезд.

* * *

Ветви короной над деревом древним,
А за короною вижу деревню.
Крыши в снегу и тропиночка к речке,
Санки везут на себе человечка.

В шубе и шапке, нос в шарфик
закутан,
Встречным кивает он: «Доброе утро!»
Светлое солнце ему отвечает:
«Доброе утро!» за утренним чаем.

В озере утреннем солнце встает,
В озере древнем и чаю попьет.
Легкий парок поднимается плавно,
Глазки малыш протирает забавно.

Мир просыпается, солнце встает!
В солнечном свете он жизнь узнает.
Яркий, цветной и родной бесконечно
Мир ему кажется сказкой извечной.

Доброй и ласковой, славной,
любимой,
Нашими предками нежно хранимой,
Сказкой, которая путь нам укажет,
И человечку про утро расскажет.

Ветки короной над деревом древним,
А за короной я вижу деревню.
Крыши в снегу и тропиночка к речке,
Санки везут на себе человечка.

Анна Смирнова — выпускница Вологодского педагогического университета (муз.-пед. фак.). Автор двух поэтических сборников.

Я СМОТРЮ...

Я смотрю в окно,
Но не вижу луну,
А кому-то сияет она в полной мере,
Да, кому-то дано,
Отходя ко сну,
Видеть море, звезды, луну и берег...

Я смотрю в глаза,
Но не вижу свет,
А когда-то сверкали они, словно
солнце,
Мне теперь слеза
И душевный бред,
Да еще фонарь в прозрачном
оконце...

Прислонилась к сердцу —
Не слышу стук,
А когда-то билось оно учащенно,
Я открыла дверцу
Для боли и мук,
И теперь смотрю в окно обреченно...

РАЗГОВОР С ТИШИНОЙ

За моими окнами туман
В саван белый свой укутал лес,
И струится тишина с небес —
Многообещающий обман...

Тишина откроет мне секрет,
Что есть летний снег и жар зимы,
И спрошу ее: «А что есть «мы»?
Я и он — закат или рассвет?»

Промолчит. Напомнит мне про сон,
Где я видела слезинки на луне,
Вот тогда услышу в тишине
Может наш, а может свой стон...

ОБЛАКО И ЛУЧИК

Вся жизнь веселым «волоком»,
Но захотелось вдруг
Мне стать красивым облаком,
Над миром сделать круг...

Белее, чем невеста
(В отличие от туч),
И нет нигде «наседа»,
Жених мой рядом — лучик...

Он теплый — я легка,
Ему к земле — мне выше,
Но все ж в руке рука
Мы спим дыханья тише...

Проснулся лучик нежный...
Проникнув сквозь меня,
Он ярче и прилежней
Пробудит к жизни дня!..

ХРАМ ДУШИ

Мы создали мир,
Доступный лишь нам.
Где ты — мой кумир,
А я лучше всех дам,

Чарующий блеск
Счастливых очей,
Безудержный всплеск
Слепящих ночей...

Мы создали край
Под звуки зимы —
Невидимый рай,
Где нет только тьмы...

Но он не для губящих
Ложью свет милых,
Он только для любящих,
Он — для любимых...

Прекрасен наш мир,
Где я лучше всех дам...
Нет! Ты не кумир,
Ты — души моей храм!

ОГНИ ДЕТСТВА

Папа милый, давай посидим в тишине,
Посмотрим на звезды-огни,
«Малышка моя!» — снова скажешь
ты мне,
И я вспомню далекие дни...

Помнишь, любила я петь при гостях?
Сидя с вами усну, разомлея,
А ты спать меня тихо снесешь

на руках,
Звал, смеясь, меня «Анна на шее!»...

Жаль, что счастье такое безбрежное
Не каждому в жизни дано,
До сих пор я смотрю безмятежное,
Про лучшее детство кино...

ВЗДОХ

Я щекой прикоснусь к сосне
И почувствую теплый мох...
Веселее грустить в тишине,
Легче слышать печальный вздох.

Но, пройдя через сотни преград,
Я взлечу над земной суетой,
А тебе я оставлю свой взгляд,
Мою тень и мой непокой.

И ветер — мой преданный брат
Меня принесет в твои сны
В момент, когда солнца закат
Встречает восход луны...

ДЫХАНИЕ

Когда ты не со мной,
Дышать мне нелегко,
Я становлюсь немой,
Когда ты далеко...

И слышат мои звуки
Лишь белые листы,
Что нет страшнее муки
И глубже пустоты,

Что ты оставил рядом,
Сливаясь с темнотой...
Не задержался взглядом,
Не приласкал рукой...

Подушка примет слезы,
Тетрадь — мои слова...
Когда вернутся грезы,
Вновь стану я жива,

И снова будет можно
Летать, весну любя!
Вот только очень сложно
Дышать мне без тебя...

В БРЕДУ...

Царапается дождь,
Скрывая теплый свет,
А за спиною ложь
И мой правдивый бред...

Не потерявшись в снах,
Я призываю грезы,
Но даже в лжесадах
Не сохнут правды слезы...

Объятия обмана
Сладки, как майский мед,
Но вновь открылась рана —
То правда болью жжет...

Звонок. — Ты спишь? Прости!
— Нет, мой родной, я жду!
Ах, ты уже в пути?
А я еще в бреду...

ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Разве ты не знаешь, чем полна
Вся душа моя? Твоей дорогой...
Разве ты не знаешь, чем больна
Вся душа моя? Твоей тревогой...

Разве ты не знаешь, что глаза —
Открывающая сердце, книга?
Разве ты не знаешь, что слеза —
Лишь прощенье отрезвляющего

мига?

Разве ты не знаешь, как нежна
Память, вопрошающая вновь:
«Разве ты не видишь, как сильна
Моя светлая, запретная любовь?..»

ПЕСНЯ О ТЕБЕ...

Свет притих, разглядывая масти —
Красно-черные рассказы о судьбе,
Где опять все делится на части,
Только песня снова о тебе...

Вижу одиночества ненастье,
Грусть и радость вижу на столе,
А мое щемяще-ласковое счастье
Заблудилось, видно, в тихой мгле...

Не хочу искать его напрасно,
Лишь тебя я жду, да свет луны,
Так как в моей жизни черно-красной
Ты и счастье не разделены...

ГДЕ НАЙТИ?..

Тишина меня режет как бритва,
За окном беспощадная ночь...
Где найти? Где такая молитва,
Что сумеет тебе помочь?..

Я читала б ее непрерывно,
Как любви моей тихой пароль,
Но душа моя плачет надрывно,
Не молитву читая, а боль...

Нет молитвы, чтоб холод и тьма
Не терзали, подобно зверю...
Я ее напишу сама,
И она спасет тебя! Верю...

ОНА

Ты нарисуешь мелом облака,
Их оживит красавица-луна.
Не тронет сердца моего тоска,
Пока на небе есть кусочек сна...

* * *

На щеке слеза
Оставляет след,
И дрожат за тучами небеса...

Это не гроза,
Это просто «НЕТ»
Оглушило меня и закрыло глаза...

МОЛИТВА

Помоги ему, Боженька,
В трудный час испытаний,
Чтобы шли его ноженьки
Не по лаве страданий,

А по свету и радости,
Добрым дням и ночам,
Чтоб не горечи, сладости
Незабвенным очам...

Пусть идут его ноженьки
На луга и поля...
Возлюби его, Боженька,
Как люблю его я!..

НЕВЕРОЯТНАЯ ЛУНА

На берегу реки легка
И интересна тишина,
Ведь так становится близка
Невероятная луна...

Ни радости, ни грусти нет,
Но все-таки мне не до сна,
И мне на счастье дарит свет
Невероятная луна...

Не шепчет ветер по кустам,
И тишь гармонии полна,
Достала зеркальце, а там
Невероятная луна...

А тихой ночью под водой
Не видно, словно и нет дна,
И тянет в бездну за собой
Невероятная луна...

Здесь допишу свою строку,
Хоть мыслей нет, хоть я одна,
Но тихой сделает тоску
Невероятная луна...

Искрится быстрая река —
То светят звезды тишины,
И к небу тянется рука...
Недалеко мне до луны...

Т. 3. КОРЗИНА

СКАЗКА ПРО ПРИНЦЕССУ-ЧАЙКУ

Я так долго ждала тебя, моя маленькая принцесса. Я знала, что ты рано или поздно придешь, и ты появилась, нежная, хрупкая и удивительно красивая. Случившаяся в это время рядом Фея из соседнего королевства, ведь где рождается принцесса, там сразу же появляется Фея, так вот та, едва взглянув на ребенка, отвернулась и пробубнила: «Уж очень красива, такие не живут!»

— Но ведь бывает, что и Феи ошибаются, — подумала я, — ты не можешь не жить, ты вся из лучей света». Но душа тревожно сжалась, а сердце откликнулось болью. Но ты была со мной и все же дарила мне радость, хотя сама очень редко улыбалась, предчувствуя беду. И беда пришла. Во всем была виновата я сама. Уж очень долго и очень сильно я ждала твоего прихода, так сильно, что услышала это злая колдунья. Она была уродлива от рождения, а годы сделали ее еще безобразнее. Но, чтобы выглядеть всегда молодой и красивой, колдунья похищала юных принцесс и забирала их красоту и молодость. А так как в наше время настоящие принцессы появлялись все реже, она зорко следила, где должна появиться принцесса и завладевала ею. Колдунья попыталась похитить и мою маленькую принцессу. Но я не спускала с нее глаз, следила за каждым ее вздохом, помня слова Феи, о том, что такие, как моя принцесса, не живут. Колдунья не могла улучшить момента и унести крошку, тогда обозленная, она прохрипела: «Если не мне, то и не тебе!» И заключила мою принцессу в особый мирок, в котором она была абсолютно одна. Пока крошка была мала, казалась счастливой в своем мирке, иногда даже подпускала меня к себе совсем близко. И мы играли, я учила ее читать, рассказывала забавные сказки, нам было

хорошо вместе. Но принцесса росла, и я видела, как тесен становится ей ее мирок, видела, что она все чаще, подолгу и с тоской вглядывается в большой мир. А потом и вовсе стала тяготиться своим мирком. Думаю, что ей хотелось иметь друзей, которых у нее никогда не было, хотелось повидать другие земли, о которых я читала ей в книгах. Особенно, она любила слушать рассказы о море. С какой-то отчаянной настойчивостью малышка расспрашивала о том, какое оно. В глазах загорались фонарики, вся она оживала и становилась еще красивее, как будто наполнялась жизнью.

Тогда я решила увезти ее к морю. Никогда мне не забыть, как засияли глаза моей маленькой принцессы, когда она впервые увидела ровную синюю гладь моря, как потянулась она к нему всем своим существом и вырвалась из своего мирка в наш большой мир.

Но не дремала старая колдунья. Казалось, она давно ждала этого момента, чтобы поймать в свою сеть маленькую принцессу. Но добро не может дать торжествовать злу. В последний миг, когда моя кроха билась под белой сетью, появилась Фея. Она рванула сеть колдуньи и превратила ее в дорожку, уносящуюся в небо, а моя маленькая принцесса вдруг стала чайкой.

Маленькая, белая чайка, она улетала от меня в темное небо с яркими звездами. Я отчаянно зывала к ней в мыслях, пытаясь вернуть, хотя понимала, что это невозможно. Но сила моего желания была так велика, что она не выдержала, оглянулась и попыталась прощально помахать мне крылом. Маленькая и хрупкая, а этот груз был для нее слишком тяжел. Она только тяжело взмахнула крыльями, стремительно понеслась вниз и с тихим криком исчезла под водой. Море снова стало спокойным и гладким. А я все жду тебя, моя маленькая принцесса, я верю, что ты все же вернешься ко мне!

В мире Рубцова

ВОСПОМИНАНИЯ ТУЖИЛКОВОЙ (быв. Захаровой) Светланы Сергеевны, сестры Захарова Клавдия Сергеевича.

Впервые я встретила Н. М. Рубцова в доме на Советском проспекте, 50, у брата Клавдия в 1967 году. После окончания Ленинградского института ЛИТЛП им. С. М. Кирова в этом доме я уже не жила, а жила с семьей дальше по Советскому проспекту, напротив речного вокзала. Но я всегда заходила в родной дом, когда шла с работы или из дetsада.

Однажды зашла, за столом группа мужчин о чем-то оживленно разговаривают, нет, даже друг другу что-то доказывают. Подошла, чтобы поздороваться — на столе «Литературная газета» со статьей, которую они обсуждают. Судя по заинтересованному разговору, поняла, что это собрались либо писатели, либо корреспонденты. Такие литературные встречи я видела много раз, слышала, как читали стихи, пели под гитару песни. Все проходило оживленно, мирно.

В этом же 1967 году брат познакомил меня со своими друзьями, среди которых был и Н. М. Рубцов. Впоследствии я часто видела его у нас дома, да и мама говорила: «Вот, приходил Николай Михайлович». Она с большим уважением к нему относилась, и он, видя ее материнскую заботу и внимание как к сыну (они с братом ровесники, с одного года) делился своими новостями. Был «не вредным», а внимательным к людям, это я вижу в отношении к моей маме и брату.

Стихи Н. М. Рубцова часто печатались в газете «Вологодский комсомолец», печатались песни с музыкой А. С. Лобзова, а моя дочь вырезала статьи и разучивала песни.

Художник В. Малыгин в знак любви и уважения подарил брату первоначальный вариант барельефа из белого гипса с портретом Рубцова и автографом поэта. Позднее на нем написались многие вологодские поэты.

ВОСПОМИНАНИЯ НЕХАЕВОЙ РИММЫ СЕРГЕЕВНЫ (Смирновой)

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ

Отец погиб на фронте в 1943 г. Мать умерла в марте 1947 г. Нас с братом родственники отца устроили в Никольский детский дом в апреле 1947 г. Так я стала учиться в одном классе с Колей Рубцовым с конца 1947 г. (апр., май). Потом в 5 классе весь год. Коля сидел на первой парте вместе с Мишей Горюновым. Все отвечали уроки, вставая за партой, а он всегда выходил из-за парты и отвечал, стоя в проходе, очень обстоятельно. Бывало, когда 2-3 человека не ответят урок, учитель говорил: «Ну, Коля, выручай». И он выходил и отвечал. Коля хорошо рисовал, вместе с Мишей Горюновым они оформляли стенгазеты.

Все девочки в детдоме были одеты в одинаковые платья. Кормили нас так: суп, чаще гороховый или с лапшой, каша перловая или пшенная, редко гречневая, хлеб, кусочек масла и сладкий чай. Но мы всегда были полуголодные. Да иногда старшие обижали — требовали отдать хлеб после обеда. Когда нас с младшим братом отдали в детский дом, моя старшая сестра осталась у родственников. Иногда она приходила в детдом и завидовала, что мы одеты, накормлены и ходим в школу. Ей жилось гораздо хуже, она так и не получила образования, окончила всего 4 класса.

Были в детдоме и праздники. Лучший праздник, которого все ждали, был Новый год, были маленькие подарки. Елку наряжали в столовой. Игрушки разные — цепочки — склеивали из бумаги и раскрашивали красками.

Летом работали в огороде, сажали морковь и другие овощи, много полоть приходилось. Ходили в лес за ягодами, наедались и в столовую приносили.

После 5-го класса, в июне 1948 г. нас с Ритой Чекаловой, как самых тощих, отправили в Юношеский санаторный детский дом Грязовецкого района. Туда направляли худеньких детей из всех дет. домов области. 6-ой класс я закончила там. В июне 1949 г. за нами приехала воспитатель из Никольского детского дома. 7 класс я уже заканчивала в своем Никольском детском доме, т.е. вместе с Колей. Учился Коля хорошо, но не отличник. Что пишет стихи, я не знала. У многих в детдоме были прозвища. У меня было прозвище Кошейка, у Коли Рубцова — Шарфик.

Сразу после окончания 7 класса в 1950 г. наш детский дом расформировали. Малышей отправили в Погореловский детдом, а старших — в Тотемский детдом 3. Я и Коля Рубцов переехали в Тотемский детдом 3, нас поставили на питание. Уже оттуда он поехал в Ригу поступать в мореходку, о которой мечтал в детском доме. Перед расставанием, как и другим девочкам,

он подарил мне свою фотографию в зимнем пальто и шапке с надписью на память. (Ее потом выпросил у меня А. Цыганов). Колю не приняли и он вернулся в Тотму, в детдом 3. А потом поступил в Тотемский лесомеханический техникум.

А мы с Тоней Шевелевой (теперь Силинская А. А.) поехали в Вологду поступать в Фельдшерско-Акушерскую школу. Когда уже были сданы экзамены, и мы были приняты в училище, Тоня показывает мне небольшой книжечку с красивым рубцовским почерком и говорит: «Коля отдал перед отъездом и сказал: «Когда поступишь — прочтешь». Вот эти стихи. Правда, я запомнила два куплета.

*«Когда уеду из детдома
Тогда начнется жизнь моя.
Какая ждет судьба — не знаю,
Но не забуду я тебя.*

*Пока что я не интересен,
И от себя меня ты оттолкнешь.
Ну что ж — быть может где далеко,
Меня ведь тоже вспомнишь».*

После 1-го и 2-го курсов я приезжала в Тотму в детдом 3 и Коля Рубцов тоже летом туда приходил, мы там жили, нас ставили на питание. А потом он уехал в Архангельск, и больше я его не видела.

Через много лет я видела Колю в Вологде на Советском пр. в компании друзей. Он меня не заметил, а я его не окликнула.

Когда он погиб, то я сразу услышала об этом на работе, т. к. работала медсестрой в поликлинике УВД. Меня отпустили с работы, и я ходила на прощание в Дом художника. Я была единственной детдомовкой на прощании, стояла у гроба и видела темные полосы и царапины — следы удущения на его шее. На кладбище не поехала, т. к. надо было возвращаться на работу.

Ноябрь 2008 г.

**ВОСПОМИНАНИЯ НАДЕЖДЫ
МИХАЙЛОВНЫ ЩЕРБИНИНОЙ,
двоюродной сестры Николая
Михайловича Рубцова, дочери Софьи
Андрияновны Рубцовой и Михаила
Николаевича Федотова.**

Любознательных родственных отношений у нас с Н. М. Рубцовым не было. Но в один год родились дети — в 1963 г. — у него Лена и у меня Лена. Он тогда приезжал к нам на Кирова. Там была собственная тети Ани комнатка 5 кв. м. На Кирова все жили: тетя Аня, мама (Софья Андрияновна), я и моя дочь Лена. Коля приезжал туда на Кирова, когда Лене месяцев 11 было. Тогда он вез своей Лене куклу и мяч. Потом мы переехали на пр. Победы, 61, в бывшей керосинке. Коля туда тоже приезжал в 65 г., сидел, писал, весь стол был в бумагах. Лене было года 3. Коля много курил, но выходил на улицу. Вечером сидели с мужем за столом, была бутылочка сухого. Он был дня 3. Потом уехал в Николу. А на обратной дороге заезжал с каким-то мужчиной. На др. утро уехали в Москву. Это последний раз я его видела.

Потом я работала поваром в милиции и 19 янв. 1971 г. сразу услышала на работе, что Рубцова Н. задушила женщина. На суд ходили мачеха Женя и моя мама. На похороны приезжала Галя из Череповца, была мама, я, мой муж. Оба сводных брата Саша и Леша стояли в карауле у гроба. На похоронах все были, а на поминки в Дом художника родственников не пригласили. Все родные поминали у нас на пр. Победы: мама, Галя, я, мой муж, мачеха Женя, сводные братья: Леша, Саша, Гена с женой Татьяной. У меня фотографий не сохранилось, все разные посетители выпросили: Белков и из Ленинграда — все отдали. Вот в книге, которую мне показывали

(Сурова), мы все у гроба у Коли стоим: и мама, и муж мой. У меня такой фотографии нет.

В семье у мамы нас было четверо детей, но все умерли до меня: Коля — 1 мес., Рита — с голоду, Миша — 3 лет — от дизентерии. Я родилась 7 марта 1942 г. в Грязовецком р-не, куда мама поехала выправлять какие-то метрики. Мама сразу пошла на работу. Она работала поваром в столовой. Со мной водилась слепая бабушка Раиса Николаевна Рубцова. Она умерла примерно через 3 месяца после моего рождения. Ей было 90 лет. А наш отец оставил нас после войны, нашел себе другую.

Отец Н. Рубцова Михаил Андрьянович был коммунист, за партию стоял горой, особенно когда выпьет — слова о партии поперек не скажи. С молодой женой Женей в последние годы плохо жили, он ее ревновал.

Наша семья в войну жила на Гасиловском пер. в домике на две семьи. И Александра, и Софья, и Анна. Михаил Андрьянович и Женя, когда поженились, тоже там жили, а потом построили дом на Республиканской улице.

Тетя Шура (Александра Андрьяновна Селина) уезжала в г. Никель Мурманской обл. Первый муж у нее погиб в Финскую войну. В Никеле она второй раз вышла замуж (дядя Федя). Приехали в Вологду, жили в д. Турбачево (за Прилуками).

У тети Ани (Анны Андрьяновны Гавриловой) был один сын, он погиб в войну.

Около 58 г. пришел из армии Борис, он пришел с лишаем, лежал здесь в лазарете. Мне запомнилось как он купил апельсинки. Этот эпизод В. Белков ошибочно приписал Николаю Рубцову.

*Из материалов Вологодского
Рубцовского центра*

Валентина ИГОШЕВА

ПАМЯТИ В. С. БЕЛКОВА

Он знал, что борется с ветряными мельницами. Он знал, что больше не может видеть весь бюрократизм окружающей действительности. Депрессия... Страшная вещь. Когда уже все равно... Когда уже и дышать-то не хочется... А еще есть окружающие, с которыми надо общаться. А еще есть работа, где надо творить. А еще есть ответственность перед всем белым светом.

— Алло! Вячеслав Сергеевич? Здравствуйте! Это Игошева из с. Никольского. Можно мне с Вами встретиться?

— Здравствуйте! Да, можно. А когда Вам удобно?

Даже в таком коротком диалоге человек сразу виден. И мы встретились у него на квартире, в его домашнем музее Н. М. Рубцова. И он мне показывает материалы о Николае Михайловиче, видеофильм. Голос спокойный, располагающий к себе. Прощасяся. Чувствую его разочарование, когда из-за отсутствия денег не смогла купить книжки. При прощании сетует, что, по сути, уникальные материалы о Рубцове хранятся вот так, дома. Хочется, чтоб оказались они в надежных руках, чтоб сохранились для будущих поколений. Было видно, что это его уже давно беспокоит.

И вот, открыт музей на ул. Герцена.

Будучи в Вологде в командировке, бегу туда. Встретила меня какая-то девушка. Я спросила: «А где Вячеслав Сергеевич?» Но с ответом девушка опоздала, так как он уже входил в

комнату. Сел за стол. Поднял на меня глаза. Я... опешила. На меня смотрели глаза измученного человека, глаза грубо страдающего человека.

— Вячеслав Сергеевич, Вы плохо выглядите.

Ему бы возмутиться, встать и уйти. Будет еще какая-то там ему высказывать, что думает. А он мне в ответ будто эхом:

— Да, не здоровится что-то. Вот и поездки некоторые пришлось отменить. А вы проходите. Пойдемте, я Вам покажу музей. И мы с ним переходим от одного стенда к другому, и в глазах у него появляются искорки, на

лице — румянец. Мне, помню, понравилось все. А позднее где-то я прочла, что музей получился, якобы, на западный манер, холодный, не располагающий к себе посетителей. Да врут они, эти критики. По большому счету критикуют несостоявшиеся творческие личности.

Это позднее я узнала, сколько пришлось общаться Вячеславу Сергеевичу с бюрократами, чтобы его мечта воплотилась в жизнь. Но я скажу точнее: не общаться, а унижаться, пресмыкаться перед теми, кто у власти. А для умного, творческого человека лучшей казни не придумаешь. И разочарование... Разочарование в людях, во власти. Но не в себе. Он сделал, о чем мечтал и мог еще многое сделать по сохранению и пропаганде творчества Н. М. Рубцова, но, к сожалению, никто не помог, а, может, уже не смогли помочь Вячеславу Сергеевичу выйти из создавшегося душевного состояния. И я плачу...

Село Никольское

Короткая проза

Юрий МАКСИМОВ, г. Челябинск

ДИВЕРСИЯ

С самого утра редакция газеты «Комсомольская кривда», или, как сокращенно и ласково называли ее читатели по первым буквам названия, — «Кака», с ударением на первый слог, гудела, как простой народ в получку. Причина была нешуточная. На территории «Каки» (напоминаю — на первый слог) случилось совершенно неординарное событие...

В связи с событием на ноги была поднята окрестная милиция, МЧС, а местный авторитет получил секретную «эсэмэску» с просьбой немедленно явиться, он знает — куда, для получения задания. Даже мэр сдвинул фуражку на затылок и почесал лоб. И было с чего!

В редакцию пришла фотография по почте. Ничего вроде бы особенного на первый взгляд. И раньше приходило много таких снимков молодых девушек: половозрелых полностью и не очень, но одетых при этом как можно ближе к тому — в чем мама родила. Чтобы максимально продемонстрировать то, что в конечном итоге выросло из того, что родилось изначально. Подобного минимума мануфактурных изделий на натуре почта приносила вагонами. И это вполне закономерно, потому что сливать отходы некондиционной черепно-мозговой человеческой жизнедеятельности больше некуда, кроме как в средства массовой информации. Вернее, есть еще помойки, но они глянцевого и устроиться туда на обложку — не каждому соискателю по карману. Точнее, по карману лишь настоящим ценителям высокохудожественных произведений силиконовой архитектуры на фасаде известных продюсерш, спонсорам светских девок по вызову, да женам умелых и

высокооплачиваемых спортсменов. Настолько высокооплачиваемых, что им по силам любую сборную обыграть. Сборную Андорры, к примеру, или даже Фарерских островов. И не важно, что на этих островах народу живет меньше, чем у нас в трамвай набивается, когда пенсионеры на работу едут. Но это, повторюсь, если только глянец по карману. А нет — пожалуйста на последнюю страницу любимой «Каки». Рядом с анекдотами и лекарствами от простаты...

Кроме наличия прелестей, которыми тужились похвастать претендентки на задний разворот, они утверждали, что получили образование и умели писать (не перепутайте, теперь на второй слог ударение). Хотя, если присмотреться повнимательнее к фото, в это верилось с трудом. Тем не менее письма приходили, а девушки не забывали сообщать о себе самые интересные сведения... О том, к примеру, что они необычайно одаренные в некоторых местах проказницы и необыкновенно творческие — этими же местами — личности. А также о том, что предпочитают хорошие машины — типа яхты — и обожают путешествовать в Куршевель со всеми вытекающими извращениями. Можно в костюме Снегурочки. Можно без него. Можно в группе соратниц.

И это вполне нормально в свете современных демократических волеизъявлений. Типа того что...

Но когда из одного скромненького конверта (в такие обычно бабушки накладывают жалобы на протекающий пятый год унитаз), выпала фотография соискательницы на публикацию в платье, а не в negligé, все сразу поняли — больная. Когда же рассмотрели длинный рукав и отсутствие декольте до колена, стало очевидным — девушка не просто больна, она еще и заразна! Более того, заразная девушка поведала о своем житие, и из немудреного по-

вестования выяснились следующие ужасающие подробности...

Работает она, оказывается, библио-текарем, а не проституткой.

Читает книги, а не учебное пособие для слюноточивых девочек пубертатного возраста под скромным названием «Как выйти замуж за олигарха». Пьет березовый сок, а не пиво. Гуляет по лесу, а не бегает по тренажеру. И вместо кокаина, представляет себе, нюхает полевые цветы.

Вдобавок ко всей вышеперечисленной шизофрении, инфекционная не готова даже садануть по венам от неразделенной любви, когда видит по телевизору разведенного губернатора северных провинций с ополовиненным капиталом. Или холостого плавилищика алюминия с неополовиненным пока. Короче — полный отстой!

Реакция сотрудниц моложе пятидесяти, специальных корреспонденток и ответственных за задний разворот, была по столичному простой, конкретной и нервной:

— Дура какая-то! Еще бы фуфайку одела и штаны ватные! Послала она... У нас, кстати говоря, своих спецкоров, олигофреников и шизофренов хватает! Фотографируй, сколько влезет!

Кроме естественной реакции сотрудниц задней части, случилось еще вот что... Будучи в расстроенных чувствах они допустили недосмотр и преступную халатность — тиснули снимочек в зад, как нормальный! И примитивно успокоились...

Но не такой простой, слава Богу, оказалась уборщица баба Шура, прошедшая в свое время закалку идеологическим отделом ЦК КПСС и политпросветом. Она одна не потеряла бдительность и с ходу распознала в ничем не примечательном конвертике диверсию пострашнее той, что произошла не так давно в Англии и взбудоражила весь цивилизованный мир. Тогда, напомню, инверцы обнаружили в подметной корреспонденции белый порошок. То ли сибирскую язву нашли, то ли насморк в засушенном виде. Ничего особенного... У нас, к

примеру, этой язвы сколько хочешь едва землей присыпано, да еще в каждой квартире по одной в наличии. А то и по две, когда мама жены в гости приходит... А шуму-то было! Ладно бы по делу! Ну, вымерло бы половина Лондона! Так это как раз та половина, что от нас приехала участки садовые покупать, пока на родине дачная амнистия не наступила! Невелика беда! Природных ископаемых у нас еще есть, и, ежели что, мы быстренько свежеспеченных дачников вышлем на замену пострадавшим от пестицидов неизвестного происхождения. За нами — не заржавеет!

Впрочем, это все в далеко случилось, и нам, собственно говоря, до лампочки. Разве что полония из таблицы Менделеева слегка ubyло. И не о чем особо разговаривать. И не вспомнил бы никто никогда об этом эпизоде, если бы не эта фотография... А так, если провести некоторые политические параллели, то снимок, извините, это совершенно другой масштаб несчастья. Налицо, так сказать, идеологическая диверсия, направленная на подрыв наших демократических преобразований, еще до конца не затвердевших! Хотя в общих чертах, случай и аналогичный!

Не потерявшая бдительность баба Шура сообщила куда «следует»...

Сигнал был принят, зашифрован и с небольшой утечкой отправлен фельдъегерской службой куда положено.

На всякий случай закрыли международный аэропорт и черный ход в редакцию. Чтобы ни одна зараза! А главный редактор «Каки» закрылся на два часа и на два оборота изнутри с одной из спецкоров для корректуры напоследок.

В помощь ранее оповещенному о событии МЧС, вызвали санэпидстанцию...

По телевизору передали обращение к дорогим россиянам, и в этом нет ничего удивительного. Случай-то — уникальный! При наших правах и свободах — полностью одетая девушка в центральной прессе! Да еще и

библиотекарь из сельской местности с денежным содержанием на раз нюхнуть!! И это при том, что полностью раздетых — девать некуда, в телевизор не входят!

Весть о ненормальной с длинным рукавом мгновенно облетела весьма озабоченное мочеполовым вопросом Садовое кольцо. Элиту, гламур и бомонд обуял тихий ужас...

А что, если это только пробный шар? А что, если после этого происка врагов демократических свобод начнутся перемены в обратную сторону по культуре? Вдруг призы за лучшие женские роли начнут навешивать не гарной дивчине за воротник, а будут торжественно вручать настоящей Народной артистке? Или того краше — Чуриковой (которая старше)?

Не случится ли такого, что в связи с диверсией отменяет голых девок на шесте, а на их месте будут показывать доярок с ведром и в одежде? Или домну построят какую-нибудь сталеплавильную? Где тогда богатым и успешным проходить фэйсконтроль? На зоне, что ли? (Для тех, кто до сих пор не перешел с русского на английский, поясню: фэйсконтроль — это, чтобы рожа в дверь проходила). Где культурно потягости анатомическими особенностями тарзанам со своими русалками-зоофилками? А продвинутому светским кобылицам и другим млекопитающим? А где, скажите, пожалуйста, золотой молодежи амфетамину соточку принять? А «мажорам» и прочей депутатской неприкосновенности таблеточку глотнуть для вдохновения где? Что, к ромалам в очередь стоять? Вместе с остальным рабоче-крестьянским быдлом?

Куда теперь прикажете деваться комедийным «бла-бла клабам», популярно повествующим про принцип работы наружных половых органов? И их бла-бла клоунам, у которых вместо мозгов в наличии лишь самый минимальный набор жизненно важных внутренних органов: рот, желудок и, простите, выход? Что делать силиконовым профурсеткам, повизгивающим в этих

сука-клубах от понимающего хохота, чтобы про них не подумали, что они блондинки? К тому же — натуральные. И брюнеткам тоже что делать?..

Но самое противное заключается в том, что никто, ни где, ни слова, ни подслова о самом главном. Не заикнулись даже, каким способом может переметнуться зараза на совершенно здоровых (а не библиотекарей) сограждан. В каком конкретно месте она может накинуться? Каким именно путем можно подхватить антидемократическую инфекцию? Половым, воздушно-капельным, или достаточно взглянуть на фото? Как на Кашпировского? Если половым, то, пожалуйста, пусть поточнее объяснят для сторонников и противников: в какой именно позе будет наиболее эффективно, а в какой — наиболее безопасно... Если же с помощью Кашпировского, то давайте побыстрее обратно Украину, чтобы было оперативно и у доктора не возникало проблем на таможене...

На демонстрацию протеста против бесчеловечных методов выпускников культпросвет училищ вышли Наши, идейно подкованные старшими господами по партии... Они заклеили несмываемым позором одетую в длинный рукав оппозицию со своими устаревшими моральными принципами. А за одним подтвердили свои животрепещущие требования к правительству. Ну, типа чтобы пиво разрешалось с детского сада, а жениться можно было где захочется...

Смывать несмываемый позор вышли пенсионерские ряды не наших. Несмотря на возраст, не наши чего-то там покуривших Наших — отдубасили их же плакатами и устно. Милиция молча оттащивала в сторону потерпевших, не получив точного указания: кто на сегодняшний момент твердо — Наши, а кто — колеблется в проруби. Самостоятельно органы так и не решились месить налево и направо без сортировки. Вдруг кандидат какой под раздачу попадет? Поди их разбери, когда без коротежа...

Страшно похудел от переживаний за итоги приватизации и демократизации внук героя гражданской войны. Можно даже сказать — получил шоковую терапию.

В густое бордо перекрасился главный энергетик на случай провокационных лозунгов. Типа — бей рыжих!

Юношеской угревой сыпью покрылись от возбуждения пожилые «младые реформаторы»: не начнут ли отбирать назад своим горбом заработанные заводы и трубопроводы? На какие шиши тогда летать завтракать омаров за бугор и с этого же бугра прокатиться на горных лыжах до откушивания обеда? На всякий случай они прилепили обратно комсомольские значки...

Народ насторожился и образовал две очереди. Одну — за солью и спичками. Другую — в мавзолей к Ильичу.

«Шайбу, шайбу...», — скандировал народ, но вполголоса. Потому что немного опасался гуляющих вокруг незаметных людей в масках и бронежилетах. Идя навстречу пожеланиям трудящихся хоккеисты сразу стали чемпионами мира, а руководящая и направляющая партия срочно поменяла название на прежнее. В эфире независимого телевидения вновь тревожно зазвучало «Лебединое озеро»...

По утрам в общественном транспорте и в очередях за бесплатной медицинской помощью стали ходить списки на рулонах туалетной бумаги. Конспиративные... Поговаривали, что настоящей мелованной для этой цели — пожалели. Каждый желающий, или у кого накопилось, дополнял готовый свиток своими достойными кандидатурами. Что это за списки, и для каких таких целей они составляются, никто толком не знал, но догадывался.

Поэтому вписали нефтяников, которые уже сидят. Чтобы про них не забыли и еще добавили. Это, во-первых.

Не упустили из виду и тех, что еще на свободе — это, во-вторых.

И «открыжили» карандашиком сбегавших в туманный Альбион и прочие земли обетованные — в третьих.

Из чувства справедливости в компанию к первым вписали главного энергетика, хотя он и перекрасился. А для полноты ощущений — и соседей с верхних этажей, которые задолбали своим ремонтом. Получился практически один в один список, составленный одним уважаемым журналом, за минусом только оискателя. Улизнуть удалось только одному из серединок — она переделась в брата...

Упала цена на недвижимость у нас и не у нас. Один русский оленевод срочно продавал английский футбольный клуб, но никто не рискнул сделать покупку. От расстройства чукча переименовал команду в «Динамо» и подарил ее бесплатно милиционерам, с условием предоставления ему общего, а не строго режима... Благодаря этому бескорыстному примеру возникла большая конкуренция в ПТУ из раскаявшихся. На специальности формовщик, обрубщик и секретарь-машинистка. (Или — секретарь-ка-машинист?). На буровика никто идти не хотел. Еще свежа была память...

С облегчением вздохнул — не он это затеял — Президент, и объявил большой сбор богатых и успешных в Георгиевском зале. Ежели кто желает добром... Добром пожелали все! Пожелавшие срочно покинули места нормального швейцарского проживания и слетелись на родные эпикурии. Никто же не знал, что в обратную сторону рейсы — отменили. Оставили только два внутренних: в Магадан и Лефортово...

На Сторублевской асфальтированной дороге срочно обивали бронированные ворота сиротских поместий старорежимным дерматином. Чтобы невозможно было отличить от двухкомнатной «хрущевки». А хозяева оделись в кирзовые сапоги... Мол, сироты уже пострадали. Мол, как видите, их уже настигло суровое возмездие. Хотя они и не знают — за что... Но согласны.

Опустели улицы городов. Ни один чиновный «мерседес», или того хлеще — депутатский, не рискнули выехать из гаража. Затаились... Вместо них по встречной полосе нагло разъезжали забуревшие отечественные «копейки» и импортные «запорожцы». А все потому, что назло Антимонопольному Комитету кто-то снова втихаря сговорился промеж собой и бензин стал стоить доллар. Нет, не за литр — за бак... Как в Венесуэле...

Нескончаемой колонной движение наблюдалось только в одном направлении. Это дружно уходили добровольцы за сто первый километр. Добровольцам обещали меньше... Возглавлял траурную процессию известный певец, бывший муж и большой, кстати, любитель розовых кофточек. В всякий случай, а также во избежание неприличной статьи, он срочно поменял отчество. Хотя замечен не был...

Замечен был другой, белокурый и двуликий анус, простите, — Янус... Но он был вне правового и по понятиям поля благодаря своему пенсионному возрасту...

Самостоятельно, для окончательного закрепления первых впечатлений, попросился на работу в камеру предварительного заключения волюок и полногубый парикмахер. В качестве будильника. В смысле — петухом.

Бедную прокуратуру замордовали тревожными звонками звезды сериалов и конкурсов красоты. Их крайне волновал вопрос: как в связи с событиями будут обстоять дела с определенной статьей УПК? Конкретно — за скотоложество. Ну, разделили они с этим скотом продюсером ложе? И с той скотиной — кастингом — тоже... Что им теперь, срока мотать за этих козлов? Сами-то конкурсантки ведь не очень-то и хотели... И, скорее всего, — потерпевшие...

Срочно складывали манатки в ожидании литерного состава гордые обитатели гор. В связи с неожиданным переездом на новые, целинные места жительства...

В устье реки Москва вошел американский авианосец и молча встал на якорь и на защиту...

В столице началась паника...

Нужно было срочно принимать меры по спасению свобод и демократических преобразований. Тех самых, за которые так удачно отстрелялись танкисты по какому-то Белому Строе-нию в самом начале свобод и демократических преобразований...

Прибывшей добром на сходняк элите, сильно захотелось обратно в альпийские луга и совсем не хотелось на внутренний рейс. На лесозаготовку. Она вытащила из сливных бачков завернутые в целлофан сберегательные книжки на предъявителя и... сделала мотивацию органам. (Не путать с другим актом на букву «м», относящемуся тоже к органам, но несколько к иным...). Неподкупные органы, недолго думая и с высочайшего дозволения, решили один раз в жизни поддаться соблазну и скоррумпировать...

Крупнозвездный бывший оперуполномоченный попросил считать его демократом, если что... Он надел противогаз, химзащиту и контрапептив на всякий случай. Двумя пальчиками повертел зараженную неизвестным вирусом диверсионную закладку в виде фотографии, пришедшую самой обыкновенной почтой и выяснил место проживания злоумышленника по обратному адресу. А после выяснения послал по этому адресу свое отдельное специальное подразделение с прорезями для глаз. Всего-то и делов! Тут-то все и выяснилось в положительную сторону.

Оказывается, произошла ошибка! Письмо, оказывается, пришло не по назначению! Да и не диверсия это никакая оказалась. Наоборот даже — любовь... Одна провинциальная дура, по другому и не скажешь, послала свою фотографию другому деревенскому полудурку, который сам, добровольно, без помощи милиции пошел в армию!!! Чтобы не забыл он, к кому возвращаться, если выживет... А почта — перепутала!

Перепуганная было столица развеселилась, от смеха промочила непромокаемые памперсы и элитное нижнее белье, и вздохнула наконец-то полным, накачанным химифекалиями бюстом.

Вся именная, где-то даже популярная на уровне макап из теледурдома публика, нашла происшествие весьма забавным. Сама теледива, заведующая и пациентка дурдома одновременно, не сменив даже смиренного обмундирования, прервала гастрольную поездку по себе подобным гуманоидам и снизошла почтить вниманием благородное собрание. Она ругалась нецензурным матом в адрес дебильной сельской местности и старательно подхихикивала, как и положено главной больной... Простите, — тусовщице. Чтобы не сложилось негативного мнения об университетском образовании.

Понимающе, с мокрыми от слез счастья глазами за давнишний, но такой удачный выкидыш женского рода, улыбалась произошедшему казусу близкая родственница заведующей и пациентки одновременно. Нет, близкая родственница оказалась не из шестой палаты как раз происхождением! Из верхней, законодательного собрания...

Подпрыгивали от хохота целлулоидные щечки и кудряшки креативных директоров, лысины давно неизвестных поэтов и «каре» уже известных прозаиков (или прозаикш правильно будет?) со Сторублевского шоссе...

Нежно похрюкивая от удовольствия обладания персональным микрофончиком, рдели пунцовым румянцем полненькие избраннычки. Они были счастливы тем, что сели в свои кресла, а не куда сушили сухари. Обозначив мыслительный процесс указательным пальцем в носу, избранные и снова переизбранные мучительно думали о том, как жить этой стране дальше, чтобы она не особенно мешала им в законотворчестве...

Перекрестился в другую сторону и снялся с якоря в направлении Белоруссии авианосец...

Вернулся к прямым обязанностям главный редактор «Каки» (с ударением на первый слог). Вышла из кабинета главного и спецкорка с помятым, но добросовестно отредактированным репортажем с места событий.

Народным очередям — за солью, спичками и к Ильичу — вежливо помогли добраться до дома. Бегом. Бойцы ОМОНа.

Ну, что еще можно сказать по этому поводу...

Слава Богу, что так все обошлось! А ведь реальная опасность была.

Чуть не провалилась было просветленная, окултуренная и разделтая совсем недавно Россия обратно в тартарары. В темное, некултурное и одетое прошлое... Все, кстати...

Р. С. Есть такое вполне демократичное мнение, что пора уже палить на кострах библиотечарей вместе с их вредными книжками. Многие знания, как говорится, — многая печали.

Чтобы не случилось более подобных антидемократических эксцессов с длинным рукавом.

Чтобы Россия, не напрягаясь и не думая, семимильными шагами твердо окунулась в это... в... просвещенное человечество...

Александр ДУБНИН

ЗВЕЗДНЫЕ МЫСЛИ

Если все ехать с горки, с горки — то заедешь в ад.

Сего дня абсурдистика: видимость жизни, консервация всего и вся. Жирует Власть. Чиновники. Остальные едва живы. Вихорь жизни гоняет вчерашний мусор. Толпятся по мероприятиям. Сонный мент на входе. Долго ли до греха!

Господа интеллигенты взялись Отечеству послужить. А заячий тулупчик у вас имеется? Для народа, для кого же еще!

Поэт с выслугой лет.

Если гламур — не идеология богатых и для богатых, то еще хуже: это их религия.

Здравый смысл уместен и даже обязателен одному человеку, желателен группе людей, но никак не обществу и совершенно противопоказан государственной машине. Даже ссылка на него уполномоченных государством лиц — подозрительна. Закон плох, но он один на всех, и этим все сказано.

Назвать их свиньями, так только свиней обидеть.

Системное воровство: когда все вроде бы по Закону.

Где талант, там и правда.

Главный литературовед России — Лева Задов: «У нас балакают!»

Тридцать серебряников — мелкими деньгами.

Героизм не совместим с творчеством.

Концептуальные построения современных художников есть суть Потемкинские деревни модернизма.

Чем больше чиновников, тем им легче воровать и мздоимствовать.

Материалисты те же идеалисты, но с другим знаком. «Хочу иметь все сразу!» Это-то кто?

Христа растерзала вечность.

Человек Христу соучастник в деле пересмотра вечности. А любовь? А любовь — после победы.

Гоголя нынешним духовным кастратам хочется запретить. Розанову еще в прошлом веке хотелось.

Толпы без человека не бывает.

Пародизируя Бердяева: «Декаденс — последнее убежище человека».

С опорой на шлюх... Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, даже Паоло и Франческа — отдыхают сегодня.

Не нужна им система ПРО, — им нужен враг.

Не День Победы, а номенклатурный шабаш. Ветеранов, как пленных немцев по Москве гоняют.

Имея дело с Властью, имеешь дело с Системой. Соблюдай т/б! Обыкновенный социализм.

Искусство принадлежит начальству.

Путин со своей нефтью даже ворон накормил.

Какое государство — такая и церковь, и наоборот.

Нынешняя чиновничья олигархия это лебединая песня социализма.

Отвратительное дело — свобода.

Поэту держаться библиотеки это любительство, а при кабаке это вот профессионализм.

Искусство если и принадлежит, то человечеству.

Гламур — искусство Скотного двора.

Он хочет. Только в большую советскую очередь.

Гламур изобрели политехнологи.

Муж — имя прилагательное. Возвращенный поэт, как пчела без жала.

Совершается полная и безоговорочная дебилизация народонаселения.

Я любить начал раньше, чем уважать.

Нашила трусов из алых парусов. Тома.

Победители, которые наконец-то победили свой народ.

Средний класс. Ни рыба, ни мясо. В общем то, что есть нельзя.

Фатальность: можно определить, как предсказуемость.

ВВП — овцы со всем миром на кулачках.

Сегодня вопрос не в том, как мы живем, а в том, чем мы занимаемся.

«Утверждать» Европу надо было с отмены рабства. Рабство — наша традиция.

Дашь социально-ориентированную инфляцию! Хочется крикнуть: «Ура!» при этом.

Замминистра — подозрительная личность. Именно — личность, а не должность. Потому как — замминистра, а не министр. В наше время лучше быть первым в деревне, ну а в Риме само собой...

Самоуправление, а не самоуправство чиновников. Тогда: суды линча тоже самоуправление.

Бердяев это космологическая система, а не монастырский Устав.

Блок, Бунин, Бердяев — три главных поэта эпохи.

Разрушение СССР произошло, а разрушения Системы чиновников — нет.

Огрела своим: «Спасибо!»

Уникальный расклад, даже для России, демократия без демократов.

Совость — синоним свободы.

В присутствии дураков — неуютно. Если бы. Просто — ярость. А спустя, — скорбь. Правда о России путинской — впереди. Географию пусть знают ямщики. А ямщики кто? Не положено знать. А кому положено? А-а-а...

Ложь — единственная правда на свете.

Ельцин: плутократия под видом демократии, потом чиновничья олигархия с элементами государственности. А дальше-то что?

Вот я буду — каким хочу быть, а люди вокруг пусть будут хорошими... Вчера: купцы не обманывали и разбойники были благородными.

Отсутствие свободы, как отсутствие речи.

Строили дом — так и живем в нем.

Уберите нефть, — будем говорить о демократии.

Если не считать себя гением, лучше совсем не браться за такое дело, как поэзия.

Мыслить чувствами.

Живем при капитализме, а беды у нас все советские.

Патриотизм: синоним лжи — одних, воровства других и бессилия — третьих.

Нынче в моде — национализм, а история врет в моду.

Стол замироточил.

Льготы на этом свете и на том свете.

Глядя на некоторых, мне хочется стать атеистом.

Пусть скажут спасибо, что я вслух не высказался.

«Единая Россия», как жена цезаря, — вне подозрений.

Игра в одни ворота. Да и ворота — две шапки кинуты. Вот наша — литература,

Вот наша критика.

Отсутствие твердого Закона — мечта каждого уголовника.

Своей неталантливостью устраивают государство.

Наша религия не сложнее Морального Кодекса.

Раньше мы говаривали: «Не по карману». Нынче тяжело говорим:

«Не по народу нам такие победы».

Шапки ушанки — наша главная монополия.

У нас телефонный справочник — оппозиционная пресса. Ввиду его правдивости.

ГРАФОМАНКА И ДРУГИЕ

Я имела счастье недавно прочитать «Графоманку». Подобное уже случилось со мною много лет назад. Однако я обладаю уникальной способностью начисто забывать любую информацию, поэтому уже не помнила, что там было к чему, и следила за событиями, как впервые.

И главный вывод после чтения — очень перестроенная вещь! Ощущение этого постепенно нарастало, но вряд ли бы вылилось в такие слова, не мелькни в конце романа само слово «перестройка». И сразу все встало на свои места, потому что та ревизия наших взглядов, какую затевают автор вместе с героиней, иначе можно называть только мирной революцией.

Предперестроенны в романе взгляды на всю нашу действительность, казавшуюся когда-то идеалом человеческого существования. Главная героиня Ларичева не желает мириться с работой как только средством добывания денег. Ей душу скручивает от одной мысли о том, что она повторит судьбу умершей коллеги Пospelовой, писавшей свои так легко сгоревшие потом за ненадобностью бумаги-отчеты. Героиня хочет «потратить жизнь так, чтобы после нелзя было ничего сжигать, чтобы след был немеркнувший».

Думается, что это — тайная мечта любого здравомыслящего человека. Однако не у каждого хватает духа слушать свой внутренний голос и идти наперекор обстоятельствам. Не каждого влечет столь маятная «свобода людей от власти хлеба насущного». Не всякий рвется отыскать свое призвание. И это горько, ибо только потому и увязает человечество в болоте распрей и прегрешений.

Второй пункт пересмотра взглядов — семейные отношения. Для общества, в котором секса «не было вообще», разговор на эту тему долго

еще будет табуирован. Однако и для автора, и для Ларичевой тут никто не указ. Спокойное отношение героини к любовным похождениям подруги и к параллельным связям собственного мужа свидетельствует не только об ее неординарном характере, но и о наличии в жизни подобных феноменов, о которых можно и нужно говорить. Ко всему прочему, и сама Ларичева непрестанно в кого-нибудь влюбляется, не смотря на наличие законного супруга. Если кому-то это представляется криминалом, то у нее самой и у автора нет ни малейшего неудобства по этому поводу. Стремление любить, полноценно, самоотрешенно, есть проявление любви к жизни как таковой, не больше, но и не меньше.

Знаменательным в этом свете представляется то, что героине так и не удалось написать книгу о Батогове. И не потому, что ей таланта не хватило, а потому, что ей не позволено было касаться вопроса о личной жизни «легенды отрасли». Но разве бывает живой человек и настоящая книга — без этого? Похоже, что именно во время написания «Графоманки» и был ненароком зачат будущий Тимофей Теслов, способный любить население всего земного шара. Понятно, что способность к этому определяется никак не половой принадлежностью, а в первую очередь наличием живой, осознающей самое себя души. Души творческой.

И тут мы выходим на главный пласт романа, обращенный к жизни литераторов. Но если в подробном исследовании того, как в обычной женщине зарождается писатель, нет ничего предосудительного, то обращение к закулисной стороне жизни этого творческого сообщества представляется мне не только самым дерзновенным, но и самым уязвимым моментом произведения.

Очень хочется думать, что уязвимость — явление сиюминутное и

неизбежное. Любой, кто берется изображать известных действующих лиц своего времени, рискует быть побитым и уличенным в предвзятости, ибо все мы себе кажемся лучше, нежели мы есть на самом деле. А то типичное, что проявится в созданных образах через многие годы, сегодня трудно разглядеть и признать именно потому, что нужно расстояние.

На многих страницах романа фигурируют личности в большинстве своем читателю очень известные, и никуда не деться от желания расшифровывать закодированные фамилии и сравнивать героев с их прототипами. К сожалению, от этого нарушается целостность восприятия. Но думается, что это в основном печальная «привилегия» вологоджан и околослитературных кругов. Вполне вероятно, что вдали от нашего заповедного угла и в среде нормального трудящегося народа «Графоманка» может составить достойную пару поляковскому «Козленку в молоке». И не осведомленный о подробностях существования небожителей читатель, вслед за Ларичевой, поразится тому, что в литературных кругах, оказывается, все, как повсюду.

То, что автор дерзает выступить против представления об уникальности и беспорочности вологодской литературной школы, заставляет снять перед ним-нею шляпу. Много судеб разбилось об эту глыбу, но Шекина, похоже, из тех, кого подобное сражение способно не только не убить, но и укрепить, и сформировать. Именно так, как оно случилось в судьбе Ларичевой.

Не убеждена, что следовало давать столь подробные отчеты со всех и всяческих литературных тусовок и встреч, веет от них более изложением, нежели сочинением. Но вместе с тем и понимаю, что это — дотошный взгляд самой Ларичевой, возжелавшей самоотверженно служить отечеству на этом опозтизированном поприще. Чем она негодна местной элите, почему никто не спешит печатать ее честные строки, своей детски-наивной душой сразу понять Ларичева не может. И лишь посте-

пенно она прозревает, теряя иллюзии и обретая собственный взгляд.

Да, «здесь законом было старое». Да, «раз люди претерпели горести и трудности, значит, и других заставят». Да, «зачем им делить кормушку»? А главное, и самое нелепое и унижительное, это то, что неназвано нес в себе почти каждый «фаллократ» с Олимпа: «Мне с бабами светиться не резон!» Читай: в жизни у каждого они, побочные, есть, но это — не для публики, не для литературы, ибо последняя призвана только возвышать. Что же касается жизненной правды...

Ореол недоступности для простых смертных, легенда об избранности «властителей дум» позволяют им решать, кого «пускать» в святая святых, а кого — нет, с кого спрашивать в жизни по большому счету, а кому за талант прощать любые человеческие мерзости. Для Ларичевой же изначально ясно, что «когда сам человек дрянь, то вопросы творчества вторичны». Опытным путем Ларичева дошла, что «высшая жизнь — она тут, рядом», а не там, где она ее по неразумению предполагала и долго искала. И если чего ей не хватало воистину, так это осознания того, что «талант самодостаточен», ему совсем нет необходимости оглядываться на чьи-то мнения и указания, он должен слушать только самого себя. Однако мыслимо ли это было для людей, сформированных прежней общественной системой!

Ларичева вряд ли бы стала тем, чем стала, если бы ее со всех сторон не подталкивали, не подтягивали, не провоцировали встать на писательский путь. На тот самый, который и был ей, похоже, предназначен свыше, но от которого пытались уберечь ее родители, не пустив учиться на журналиста. И тогда она пришла к самой себе окольным путем, через «ненавистную счетную работу». Она попала в кружок под руководством благородного писателя-старца, она обрела там единомышленников. Благодаря подсказкам своих начальников она попробовала писать, стала читать книги, которые

учат мыслить широко и не бояться иметь мнения, отличное от других. Она стала обнаруживать таланты в других и помогать в их становлении. Благодаря мужу, имеющему обыкновение приходить домой вроде бы «только затем, чтобы уйти», она села за им принесенную печатную машинку, а затем и за компьютер. Словом, судьба, что называется, «подвела и уткнула».

И ей, Ларичевой, было бы хорошо, когда бы не жизнь на разрыв. Больше всего на «мамину мутотень с рассказами» реагировали дети. С тех пор, как она стала ходить «к дядьке писателю», она «совсем перестала на диване лежать» и играть и разговаривать с ними. Нестиранными и невыглаженными оставались мужнины рубашки, осиротела кухня, досадной обязаловкой стало для Ларичевой супружеское ложе — ночи она предпочитала проводить за компьютером.

Когда бы это была просто временная блажь, не стоило бы одумавшемуся мужу и требовать «Вернись в семью!» Для Ларичевой же творчество стало сродни открытию самой себя, истинной, и она ни о чем уже не просила судьбу, только — дайте писать, «дайте восхитаться, то есть любить — не для себя, для всех». И когда лучшая подруга на ее глазах порвала рассказ, где она послужила прототипом, для Ларичевой померк белый свет. Ее представления о том, что и как можно и нужно писать, едва устоявшись, ухнули в пропасть. Слабая еще духом, Ларичева впала в депрессию, не догадываясь, что это был всего лишь творческий кризис.

И вот его-то описание — это почти вопль на весь мир о праве человека быть самим собой. Мы видим, как мужественно героиня пытается наступить на горло собственной песне: шьет, парит, варит, стирает, во всем стараясь выглядеть благочестивой матерью и супругой. Она даже на традиционно русское домашнее консервирование отваживается, даже в болото за клюквой отправляется, ища радости жизни там, где находят их многие.

Но нельзя, невозможно идти за толпой, если у тебя есть представление о собственной дороге! «Точно в клетку сама себя заперла», — осознает Ларичева. «Повой мне еще», — страшает свою плачущую душу. И с ужасом ловит себя на внутреннем согласии «быть никем», потому что жить так, как большинство, всегда спокойнее. «Ради этого и умереть не жалко. Все прежнее кажется суетой».

И она умерла бы, наверно, в угоду церберам от литературы, если бы не дети. Оставить их сиротами? Да ничье мнение о ней не стоит их жизни!! Значит, остается одно — писать тайно и в стол. Чтобы выжить.

Если бы не счастливое разрешение этой ситуации, верится, что Ларичева со своей творческой лихорадкой превратилась бы в тайного «летописца», а от зова души не отрелась бы. Потому что он — как манок, как призыв к продолжению жизни. Стоило ей за мирным шитьем услышать в телевизоре разговоры о литературе, как руки сами потянулись к заброшенным рукописям и все хозяйственные хлопоты полетели в тартары. Эту песню не задушишь, не убьешь!

Вспомним, как сонно-вареная и ко всему безразличная Ларичева мгновенно преображается, узнав о своей победе в литературном конкурсе. Значит, она — не пустое место? Значит, есть люди, которым написанное ею нравится? Значит, она может, имеет право быть собою и соответствовать своему предназначению?! Бог мой, сколько сил просыпается в человеке, ощутившем свою значимость! Сколько добра он может принести в мир, будучи нужным! И кому это может помешать?!

Наверно, настанет время, когда самораскрытие человека будет приветствоваться как самый великий подвиг. Наверное, по мечте Ларичевой, начнется «новое, смелое братство, в котором все помогали бы друг другу». И «Графоманка» станет одним из самых крепких камней в фундаменте этого завтра — не смотря на все претензии, которые, конечно же, можно

предъявить этому произведению. Но они — как неизбежные недостатки даже в хорошем человеке, которого любим и ценим мы все-таки за вершинные проявления его сути.

И среди таких мест в книге — страницы о муже и о Забугиной, об Упхолове и Губернаторове и, конечно, ярчайшая, слезу выбивающая сцена объяснения с Нездешним в конце романа. После нее почему-то начинаешь безоговорочно верить, что все наилучшим образом сложится в писательской судьбе не только Ларичевой, но и самой Щекиной.

Нина ВЕСЕЛОВА

"МЫ В ВОСХИЩЕНИИ!"

(о молодых авторах)

Прочла интернет-статью Антона Черного «Три книги 2007 года. Мария Маркова — Наталья Усанова — Регина Соболева», и возмущению моему нет предела! Краткое резюме статьи: «Заткнитесь все! Есть в Вологде и окрестностях только один поэт. Мы, Антон Черный, собственно персоною».

Почему А. Черный говорит о себе во множественном числе? Сразу «всплывают» аналогии: «Мы тут посоветовались с товарищами...». Или из отдаленной истории: «Мы, Николай П...» с перечнем титулов.

Неужели Черный сомневается — таки в своей правоте и прячется за многозначным «мы»? Или желает придать весомости своему мнению, своему имени из-за внутренней неуверенности в себе? Хуже всего, если это намекающаяся мания величия...

Сама статья написана ложно-значительным языком. Например: «Я постоянно и сознательно ухожу от термина «лирический герой», который, на мой взгляд, — лишь научный эвфемизм, заключающий в себе весь комплекс читательских представлений об образе автора произведения. Не претендуя на терминологический

матеж, все же оставляю за собой право называть стихи стихами, а автора — автором». Такой вот словесный «шлак» составляет едва ли не треть статьи.

Разбор стихов Марии Марковой, совершенно чудесных, сделан таким тяжелым слогом, что вряд ли кому-то захочется прочесть саму Маркову после характеристик Черного: «...В дальнейшем интимность и свойскость органично войдут в образную структуру стихов Марковой в виде персонализированных, конкретных реалий, словно всплывающих в стихах из настоящей жизни».

Признавая поэтику Марковой, он констатирует отсутствие поэтики у Соболевой и Усановой. О Регине Соболевой с ее блестящим интеллектом отзывается так: «Пугает отсутствие в стихах Соболевой мысли, мысли и еще раз мысли. Вот Черный — он мыслитель: «Книга — это вещь в себе. Смешно объяснять такие вещи, но нет в ней ничего, кроме того, что в ней есть». Все понятно? Вот и не суйтесь печататься, а пишите от руки в школьных тетрадках. Не лезьте с «сырым поэтическим субпродуктом» на глаза «добрым» дяденькам, начисто забывшим, как начинали сами...

Не признать поэтического дара Натальи Усановой! ... «Установка такова?»

«Три книги, рассмотренные нами выше, представляют нам современную вологодскую поэтессу на разных ступенях развития». Как это — троих, ярких и талантливых, таких разных, — считать за одну? Может, и Антона Черного, как литературного критика, рассмотреть в триаде, допустим, с Белинским и Чернышевским? На какой «ступени развития» он окажется тогда?

«Сам факт появления этих трех книг в один год позволяют нам говорить уже об определенных тенденциях в частной книгоиздательской практике Вологды. Прежде всего, это отсутствие какой — либо редакторской и составительской работы». Вот и добрались до «подводных камней» статьи...

Давайте назовем вещи своими именами: «частная книгоиздательская практика» — это самиздат. Ничего плохого,

ззорного или запретного нет в этом явлении. Немало славных литературных имен вышло в советском прошлом из самиздата. А сейчас — это единственный выход для начинающих литераторов. В официальные издательства пробиться невозможно по ряду причин. Газеты и журналы публикуют с большим выбором, да и гонораров теперь не платят даже именитым авторам. Где они, бесплатные и доступные редакторы и корректоры, сохранился ли сам институт литературной редактуры? Начинающие авторы хватаются за последнюю соломинку, самиздат. И вот на эту спасительную «соломинку» господин Черный обрушил свой «праведный» гнев.

Позвольте напомнить, что все четыре поэтических книжки А. Черного выпущены самиздатом. Сам себе составитель, корректор и редактор!

«Аминь», — я говорю. «Я в восхищении», — сказал бы Воланд или его компания.

Закончу фразой статьи А. Черного: «Порой не приходится говорить не только о редактуре...»

Редакторской работой тут явно не было! А то что мне слова сказать не дали на дискуссии — напрасно. Архипов однако был на высоте.

Нина ПИСАРЧИК

Наталья УСАНОВА

ХАОС НАЧАЛА

Интересно изучать творчество начинающего литератора. Обычно подобные наблюдения позволяют краем глаза заглянуть в реальный, а не в художественный, мир юного человека, ведь на ранних этапах творчества каждый пишет непосредственно о самом себе. Заранее прошу прощения у молодой поэтессы Алисы Яблоковой, к сборнику которой «То, что мною замечено» я обращаюсь в этой рецензии, за то, что я роюсь, как рассудительный любопытный аналитик, в ее сокровенном. По-другому никак.

Сразу отмечается, что в стихах Алисы преобладают два мотива — любовь и поиск. Любовные стихи насыщены ахматовскими и цветаевскими интонациями. От первой учительницы взяты внимание к ажурным деталям, подчеркнутая женственность и утонченность («И это озеро, и розовый закат», «Он идет, а листья дуба...», «Посмотри на меня», «Все, что я тебе сказала»), от второй — материнские интонации в отношении к возлюбленному и миру, употребление величественных архаизмов и рубленые ритмы (типичный пример — «Молитва»).

А вот мотив поиска находит воплощение в футуристическом стиле. Это неожиданно. Трудно соединить под одной обложкой стиль Анны Ахматовой со стилем Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. Только что нежные ах и ох, «судьба милого», а тут вдруг «будеочи, былостало, скорозавтра, шекоподушка, венотрубы». Автору, видимо, близок то один, то другой метод. Любовь для Яблоковой понятие довольно определенное, поэтому и пишется о ней гармонично, а вот все остальное вокруг...

Это хаос, из которого можно разве что выхватить и склеить некоторые слова. Склеить, и держать, пока они опять не разлетелись в разные стороны, а потом почувствовать, что слова приручены, и перебирать их по буквам с наслаждением обладателя. Чаще всего в результате получается занимательный абсурд («Шлем», «Об об», «Жил»). «А я играю с вами, с ушами-глазами», «экстаз словоблудства», «закладан разум» — жестко оценивает этот абсурд сама Алиса. Получается игра, которая ни к чему не приводит. «Утоляешь жажду голодом». Хочется не этого.

«Я написала в тетради два слова: «Подсолнечное» и «масло» (...) «Я вырвала этот лист, на следующем же увидела жирное пятно. Мне думается, что оно от подсолнечного масла...» Сделать из пойманных слов настоящую материальную жизнь — вот к чему тянется поэтесса. Не получается. От этого —

неуверенность и тревога: «Я не буду дольше писать — Я думаю, что я еще буду писать». «Я — нет меня», «А вот и я — а вот и нет», «было-не было», «верю-не верю»... «Но разве об этом поют флейты водосточных труб?» — отчаянно восклицает автор книги.

Флейты водосточных труб Маяковского пели не об этом. Они пели о двух конкретных мирах — уходящем и грядущем. Здесь же автор видит вакуум лишь с редкими частицами, пролетающими мимо в виде языковых единиц. И себя она с внутренним протестом ощущает таким же крохотным элементом бытия.

*Я живу в карманах прохожих
Среди мелочи и сигарет,
Под горячей асфальтовой кожей,
Между ребер бульварных газет
«Кто придумал, что в городе этом
Я всем виден и я один?»*

В этой тоске по единению особенно ярко проблескивают нередкие обращения к богу, причем не к какому-нибудь, а к пантеистическому, самому что ни на есть целостному.

Общее впечатление от книги — написано оригинально, талантливо, при этом сборник напоминает дом без фундамента. Неопределенность содержания отчасти объясняется постмодернистским подходом, но для Алисы Яблоковой он не совсем органичен.

«То, что замечено» — заголовок сборника. А взята строка из стихотворения «Я смотрю на него», где она звучит как «то, что мною случайно замечено». Поэзия устойчиво действует на языкательного читателя лишь тогда, когда она держится на четком мировоззрении, а не на случайных впечатлениях. Никакого единения ни с миром, ни с возлюбленным, ни с читателем не будет, пока творящий не разберется в себе. Однажды из хаоса Яблоковой обязательно родится ее Вселенная.

ДВА СЕРГЕЯ

Есенин утверждал: «Я последний поэт деревни». О, как он ошибался! «Озорной гуляка», любящий искон-

ную Русь, наверно, и предположить не мог, сколь живучим окажется его образ. Да что там образ, и техника стиха, все художественные приемы, мотивы. Один из многочисленных последователей Сергея Есенина — «простой зареченский оболтус» из Устюжны Сергей Охупкин.

«Какая ночь! Я не могу Не спится мне-такая лунность...» — восклицает один поэт. «Ну и ну! Какая ночь! Звездная картина!» — вторит другой. Переключка продолжается: «Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?» «И жизнь моя, Наверно, мне уж отоснилась», «с белых яблонь дым» — «яблони-дымокуры». Унаследованы молодым устюжанином и девушки-березки, и метельная замять, и сердце, которое просится в кабаки...

Охупкин — довольно талантливый подражатель. Несколько его стихотворений по незнанию даже можно было бы принять за подлинно есенинские. В них встречаются красивые личные литературные находки, которые могли бы вполне естественно вписаться в сборник «Радунница» или «Любовь хулигана». Есть и совершенно неуклюжие строки:

*Эти мрачные, хмурые ели
Много о жизни напели.
Густопышных туманов клубни
Мне поведали о любви.*

Чем же так притягателен метод Сергея Есенина для литераторов двадцатого века? Задушевностью. Доверительный тон располагает читателя к сочувствию. Также сострадание вызывается неприкаянностью героя. А пылкая любовь поэта-бродяги к родине-Руси порождает читательское уважение, смешанное с восторгом.

Возможно, тот же Сергей Охупкин не замечает, что пишет несамостоятельно. И не было бы ничего страшного, если бы он создавал стихи исключительно ради радости творчества. Но он заявляет: «Пишу для иных поколений». Потомкам и так достанется слишком большое богатство — двадцать с хвостиком веков культуры. Для дублей в памяти нового поколения не хватит места.

**«ЭКИВОКИ НА КОЛЛЕГ
ЮРИЯ ЛЕДНЕВА
С РИСУНКАМИ
МИХАИЛА КОПЬЕВА**

Поэта Юрия Макаровича Леднева в Вологде любят и помнят. В октябре этого года ему исполнилась бы 80 лет. Ю. Леднев — член Союза писателей России. Автор многих книг стихов, а также детской прозы.

Предлагаем вниманию читателей избранные страницы сборника дружеских шаржей Юрия Леднева с рисунками заслуженного художника России Михаила Копьева, изданный в апреле 2009 г. в Вологде.

*Очутясь на месте новом,
начинал Сережа «Словом».
Поработал год-второй —
выдал наш Трофимыч «Рой».
А на третий, палы-лы,
докатился до «Крамолы».*

ВАСИЛИЮ ОБОТУРОВУ

*Бодает зубров он и туров,
Но чаще тех, кто не рогат.
Силен же критик Оботуров—
И трезвый, и когда поддаст!*

* * *

*Он выдержал бы много туров,
Но... скромн Вася Оботуров.*

ГЕННАДИЮ СОБОЛЕВУ

*Когда поет он, мир — в истоме.
И даже — Чирьев, например.
Когда поет он, в «Русском Доме»
Немеет кондиционер.
Когда поет он, в горных склонах
Родится это для него.
Когда поет он, микрофоны
Уже не стоят ничего.
Когда поет он, жизнь красива,
Тучнеет урожай в полях
И кажется, что вся Россия
В роскошных ходит соболях.*

ИНГЕ ЧУРБАНОВОЙ

*В литературу непреклонно
(Мы все об этом говорим!)
Вошла российская мадонна
С нерусским именем своим.*

АЛЕКСАНДРУ ШВЕЦОВУ

*Знают и ученые, и неучи:
Есть среди создателей стихов
Три гиганта — Александр-Сергеечи —
Пушкин, Грибоедов и Швецов.*

ДУХОВНОСТЬ В ПОЭЗИИ

Мы — дети Божие, рабы небес и Звезд. Душою тянемся к Свету, Добру и Любви Неземной! «Мы огромны, — любил повторять Ф. М. Достоевский, — огромны, как матушка Россия». Мы тянемся к облакам, к Горнему, к тайнам творческого и Духовного. В больших городах много соборов, церквей, моленных домов... Но современный мир суеты, жажды наживы и денег вызывает дефицит общения и взаимопонимания между людьми, дружеской поддержки друг друга...

Творческая личность поэта, художника или музыканта находится в постоянном поиске новых форм выражения чувств и мыслей автора, живет в ней жажда преобразования, пришествия «Нового Неба» и «Новой земли!» И преображение в Душе и в ощущении счастья от общения с миром прекрасного непременно происходит.

Пасха — символ классического обновления Душ верующих, воскресения сил Света, Любви и Тепла, которые одерживают свою Победу над Тьмой, холодом и Злом Вселенским. Страдания и Крест — суть Пути Христа «Спасен будет тот, кто спасает», — верно подметил Владимир Соловьев, а Достоевский еще дополнил «...все отвечают за всех!» Этот Духовный коллективизм уклада русской жизни (жажда Всеобщего Спасения на Руси) берет свои истоки из сельского уклада жизни, общины... Именно монахам, церковной жизни, библиотечным сюжетам монастырей и посвящено немало книжных знаков таких мастеров экслибриса России как: А. Калашников, Р. Копылов, Г. Кулешов, В. Иванов, Н. Карасев и др.

«...Но меркнет вечер, догорая,
Теснится тьма со всех сторон,
И я напрасно возмущен.
Мечтой утраченного рая
И в ожиданьи замирая,
Смолкает колокола звон!»

(К. Бальмонт. — Стих «Колокольный звон»)

Единение со звездами осуществляется с помощью молитвы — ярой и истовой, жаркой и любовной. В этом суть жития святых «Кто пользовался славой старцев на земле, тот должен пострадать за это, или в будущей вечной. Лучше уж пострадать временно в здешней жизни, нежели вечно в будущей» — так мыслят старцы монастырей России.

СЛАВУ РУССКИХ
СЛОВЕСЬ ВЪЗНЕСЕШЬ
ДО НЕБЕСЬ
ИЗЪ СЪБРАНИИ КНИГЪ
КАСИЯ ДЕРДОРОВИЧА
УБОЛЕВСКАГО

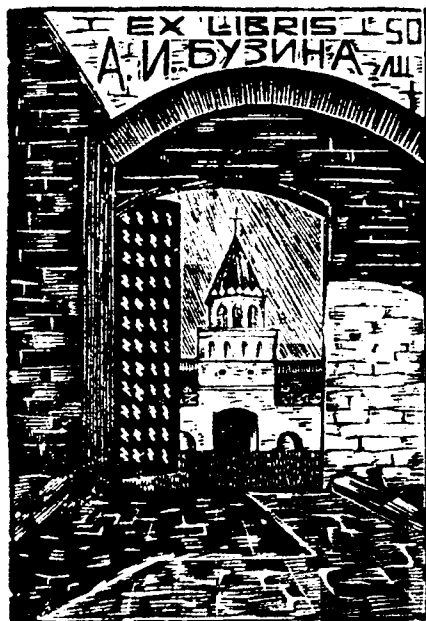
Ю. ЗОРИНА

*«... Не плачьте: склоните колени
Туда — в ураганы огней,
В грома серафических пений,
В потоки космических дней!
Сухие пустыни позора,
Моря неизливаемые слез —
Лучом безглазого взора
Согреет сошедший Христом».*

(А. Белый, стих «Родина»)

Так что путь у нас у всех один —
Путь на Голгофу — крестный путь
слез, боли и страданий на этой зем-
ле...

Старец Макарий советовал жить
честно, по совести, «жить без вну-
треннего смущения. Не давай впасть в
Душевное смятение, когда совершаешь
оплошность или ошибку, но сойди до
самой глубины смирения и вновь под-
нимать через раскаяние».

*«...Здесь самозванцы и народы,
но для мечтаний есть предел,
пока сосновые колоды —
приют для многогрешных тел...
Вода и толстая коврига,
Но зорек вдохновенный глаз,
Крылатого Аристратига
Рисует мудрый Богомаз».*

(С. Марков, стих «Русь»)

Евгений Бригиневиц

Владимир Митин

19 марта умерла Галина Михайловна
Рубцова — сестра поэта.

Вечная память

30 мая умер Алексей Сергеевич Шилов —
композитор и первый исполнитель песен
на стихи Николая Рубцова

Вечная память

9 июня умер Владимир Попов-
Островитянин — белозерский поэт, член
Союза российских писателей.

Вечная память

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

54

Обществ. совет: А. А. Грязев, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин,
М. А. Полетова, М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 213.

Сдано в набор 01.05.09. Подп. в печать 18.06.09.
Заказ № 999

Вологда
2009

